

Классики, как сказал классик, это те, кого все знают, но никто не читает.

— Приезжайте, — раздался в телефонной трубке голос художника Павла Бунина. — И захватите Гете. Я покажу вам, как можно его читать.

Несколько недоумевая (давненько меня читать не учили!), захватываю и приезжаю. Нет, как любой нормальный студент-гуманитарий, я, конечно, читала «Фауста», сдавала экзамены и даже имела за ответ что-то непозорное, но читала — для знакомства с текстом. И только. Теперь не стыдно в том признаться, поскольку знакомство (спасибо Бунину) не ограничилось первым свиданием. А могло бы.

Театр, фильм — это другое. Сейчас о чтении. К стати, перечитывая, поймала себя на том, что мысленно озвучиваю Фауста голосом Михаила Козакова, а Мефистофель уже прочно оброс в сознании мимикой и интонацией Зиновия Гердта. Вот ведь напасть какая...

— Вы думаете, «Фауст» о средневековье? — едва я переступила порог, уже вопрошал Павел Львович, будто продолжая давно начатый разговор. — Ничего подобного! Это все о нас с вами, причем самым поразительным образом. Давайте вашу книжку, я отмечу, где вам нужно читать. А, и у вас такой же страшенький томик на газетной бумаге?

— Нас не баловали.
— И продолжают не баловать. Зато сколько ерунды печатают! Где карандаш, я отмечу... Нет, лучше слушайте!

Мы сидели и читали Гете. Такого со мной не было. Книжки мне перестали читать еще до школы. Если люди читали стихи, то либо свои собственные, либо актер читает то, что разучил, а остальные хлопают. Но вот так сидеть и вместе читать... Оказывается, это так хорошо.

И ведь только теперь, во время этого особенного чтения, до меня в полной мере дошло, что «Фауст» — не поэма, не драма, а трагедия. Супертрагедия! Равной которой не найти в мировой литературе, хотя Шлегель неустанно проводил параллель между Шекспиром и Гете, обозначая «Гамлета» и «Фауста» как «драму мысли», а позже признавал, что трагедия Гете «принадлежит к величайшему из всего сочиненного когда-либо человеком». Даже помня, что «Фауст» Гете писал около шестидесяти лет (всю свою творческую жизнь!) и закончил лишь за несколько месяцев до своей кончины, мы в основном верим на слово эстетическим авторитетам и редко проверяем данную ими оценку собственным морозом по коже. Как-то все не до того... Это был тот редкий случай, когда проверка состоялась, причем наши со Шлегелем взгляды полностью совпали. И вот почему.

Самая страшная трагедия, какую только можно представить, в том, что человек сам (он свободен в выборе!) продал душу дьяволу и постепенно, шаг за шагом, низвергается в бездну, увлекая туда каждого, кто соприкоснется с ним. Теряя человечность, постепенно переставая быть человеком. И в кого же он превращается? В монстра, вампира? Нет, это детские игрушки в сравнении с истиной. Он становится тираном. Диктатором. «Гением всех времен и народов». Становится потому, что продал душу дьяволу. Откройте пятый акт и убедитесь сами.

Но прежде взгляните, как Фауст усваивает дьявольский урок. Для начала Мефистофель предлагает ему каплей крови подписать чистый лист бумаги. Предлагает подписать... Поставить кровавую подпись! И этим закабалит его. Вам это ничего не напоминает? И чтобы окончательно

но повязать товарища кровью, черт рукою Фауста закалывает Валентина — брата Маргариты.

«Кровь, надо знать, совсем особый сок», — поясняет искушенный в политике черт.

Фауст, в свою очередь, «вербует» Маргариту, также повязывая ее кровью: доверчивая девушка навеки усыпляет свою мать (флакон ей вручает возлюбленный Фауст), она же становится причиной гибели брата, а когда появляется незаконнорожденный ребенок, обезумевшая от страха перед позором Маргарита топит дитя в пруду... И вот она в тюрьме, в ожидании казни. Уничтожены три поколения. Род искоренен. Тоже что-то знакомое, правда?

С каждой страницей ситуация становится все более узнаваемой. Вот Мефисто иронично роняет: «Уничтожить несогласного — какой простой выход из затруднения!» А явившись на небо, он бодро рапортует:

*К тебе попал я, Боже,
на прием,
Чтоб доложить о нашем
положенье.*

И тут же требует «полномочий». Фразеология настораживает. Но на самом деле я не

Серенада Мефистофеля.
Рисунок Павла Бунина

МЕФИСТОФЕЛЬ — ПРИЗРАК КОММУНИЗМА

КАК МЫ С БУНИНЫМ «ФАУСТА» ЧИТАЛИ

Встреча Фауста и Маргариты.
Рисунок Павла Бунина

знаю, где в этом плане кончается Гете и начинается Пастернак. Далее честный Канцлер пытается обрисовать Императору положение в стране: *Тот скот угнал, тот спит с чужой женой, Из церкви утварь тащат святотатцы, Преступники возмездья*

*не боятся
И даже хвастают
своей виной.
В суде стоят истцы,
грожа.
Судья сидит
на возвышеньях,
А рядом волны мятежа
Растут и сеют
разрушенья.*

*Но там, где все горды
развратом,
Понятия перемешав,
Там правый будет
виноватым,
А виноватый будет
прав.
Не стало ничего
святого.
Все разбрелись и пянут
врозь.
Расшатываются
основы,
Которыми все
создалось.*

(Каково? Это же наша с вами новейшая история, которая еще и историей толком стать не успела — настолько кровоточит. Перед глазами — кадры кинохроники, документы, свидетельства, судьбы...) Но Императору неприятно в это поверить, и за моральной поддержкой он обращается к шуту Мефистофелю. Тот реагирует мгновенно и политически верно: *Какие жалобы возможны
Средь этой пышности
надежной,
Когда держава так
прочна,
Когда твои войска
готовы
Разбить любые вражьи
ковы,*

*Когда усердия полна
Трудолюбивая страна?* Ну просто «Марш энтузиастов» в исполнении Мефисто. А это уже о современности: «Пришел конец союзным взносам. И денег никаким насосом теперь в казну не накачать». Или же: *Из партий, как бы их ни
звали,*

*Опоры мы не создадим.
Нам так же чужды их
печали,
Как мы и наши нужды
им.*

И какой же выход из социально-экономического тупика предложил черт? Очень простой и до боли знакомый: напечатать побольше бумажных денег! Чем больше — тем народ будет богаче! Обеспечением же этих фантиков (рублей, зайчиков и прочих гривен) служат... клады, тающиеся в земле империи. Затруднение за малым: их надо отыскать и откопать.

Подобных мест в тексте «Фауста» множество, все не процитируешь. Да и зачем? Получите индивидуальное удовольствие. Но обратите особое внимание на пятый акт — это нечто. Фауст осваивает целину. Затекает грандиозное строительство канала. Нужны деньги на строительство — «экспроприрует», то есть грабит в море корабли. Планов громадь. Мечтает пригнать сюда миллионы счастливых трудящихся, и чтоб они отсюда — ни-ни! «Из стен дворца своей рукой ты правишь мировой судьбой, — подзуживает комиссар Мефистофель. — Здесь был задуман первый шаг. На этом месте был «барак». (Здесь будет город-сад, не правда ли?) «Тут вначале был по плану лагерь для людей разбит...»

*Бедной братии
батрацкой
Сколько погубил канал!
Злой он, твой строитель
адский,
И какую силу взял!*

...
*Он без сердца,
из железа,
Скажет — и хоть в гроб
ложись.*

До чего узнаваем портрет. А если учесть, что в начале этого замечательного приключения Фауст живет в горном городишке и Господь удовлетворенно аттестует героя: «Он мой раб», — то становится жутковато.

Ну а дальше — попытка насильственного переселения, которое завершается убийством (деталь: комиссар и «трое сильных» ночью врываются в дом и все переворачивают там вверх дном).

И какую же страсть, какую жажду утолив, умирает Фауст? Ни страсть к познанию. Ни вино, ни любовь, ни поиск высшей красоты не сблизнили его остановить мгновенье. Это смогла сделать только жажда власти. Безусловной, сатанинской власти над миллионами «осчастливленных». Власть любой ценой: ценою жизни не только «человеческого материала», но и своей собственной, ценою души. Столетний ослепший Фауст упоенно слушает лязг лопат, воображая, что это огромная толпа рабочих повинуется каждому его слову. А на деле это безобразные лемуры роют ему могилу.

— Ну как, понравилось? — спросил Бунин.

— Мне страшно. Наверное, Гете был не совсем человеком. Он был кем-то еще.

— А это вообще страшная книга. Когда я прочитал пятый акт немцам, они сказали: «Пауль, ты это разглядел потому, что долго варился в красном соусе». Я ответил: «А вы в коричневом. Велика разница!»

● **НАТАЛИЯ МОРЖИНА**

● **P.S.** «Творческий путь Гете — это поучительное введение к новой эпохе и к изучению поэзии вообще; его нужно рассматривать как основу нашей культуры. Он оказывал мощное воздействие в каждый период своей жизни, однако часто не в тот же самый момент, а лишь известное время спустя». (Фридрих Шлегель, 1803 г.)